

18+

Валерий Бронников

ЖАРА

Рассказы

Валерий Бронников

Жара. Рассказы

«Издательские решения»

Бронников В.

Жара. Рассказы / В. Бронников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532971-4

Герои рассказов из настоящего сборника обыкновенные сельские жители и не только сельские, но и коренные горожане, перебравшиеся жить в деревню, покинувшие по разным причинам город и ставшие обыкновенными сельскими жителями. Прототипы многих героев живут и ныне, не подозревая, что стали настоящими героями, о которых пишут книги.

ISBN 978-5-00-532971-4

© Бронников В.
© Издательские решения

Содержание

Безотказная работа	6
Ваня	8
Взлёт	13
Возвращение в прошлое	15
Демократичный подход	20
Деревенские будни	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Жара Рассказы

Валерий Бронников

© Валерий Бронников, 2021

ISBN 978-5-0053-2971-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валерий Бронников родился 1 апреля 1949 года в с. Заяцкий Мыс на южном берегу Белого моря. По образованию инженер-механик по самолётам и двигателям, работал по профессии более 50 лет. Автор многих произведений прозы и стихов, а также детской литературы. Член творческого объединения «Вашка».

От автора:

Герои рассказов из настоящего сборника обыкновенные сельские жители и не только сельские, но и коренные горожане, перебравшиеся жить в деревню, покинувшие по разным причинам город и ставшие обыкновенными сельскими жителями. Прототипы многих героев живут и ныне, не подозревая, что стали настоящими героями, о которых пишут книги.

С уважением к читателям: Валерий Бронников

Безотказная работа

День набирал силу. Одни самолёты взлетали, другие садились. Шла обычная рутинная работа по перевозке пассажиров, грузов, почты. Никакой романтики, только труд, причём, тяжёлый, требующий напряжения, сноровки, анализа. Пилоты, иногда пренебрегали своевременным обедом, если есть куда лететь и что везти.

А народ собрался со всей России. Коллектив не стабилен, не отработана технология, не достаточное взаимодействие служб. Да что там говорить, даже связь не работала, как того требовала обстановка! Иногда, чтобы связаться с нужным человеком, надо сбегать или сходить в другую службу, а службы разбросаны по всему аэродрому, в разных зданиях, балках, ангаре, подсобках, пристройках.

Время близилось к обеду. Самолётов не хватало. В наряд поставлены даже те самолёты, которые планировалось отремонтировать и подготовить хотя бы к обеду. Свободные от полётов, но стоящие в наряде, пилоты слонялись по закуткам, посматривая на часы и ожидая, когда техники подготовят самолёт.

Пилоты проклинали тихонько смежную службу, которая готовила самолёты, но в силу объективных причин не могла работать выше своих сил и возможностей. Документы требовали выпускать в полёт только исправный самолёт. Никакие компромиссы не допускались.

На недостающем по плану самолёте техник готовил карбюратор к регулировочным работам. Последнее, что он сделал, отвинтил две заглушки на высотном автокорректоре, закрыл на моторе капоты, чтобы исключить случайный доступ к разобранному агрегату и пошёл на обед. «Работа работой, а обед по расписанию», – повторил он в уме, не раз слышанную поговорку. В принципе он прав: требовалось ещё около двух часов, чтобы закончить работу и предъявить на контроль.

Экипаж на этот самолёт имелся и ждал своего часа, тоже решив подкрепиться перед полётом.

– Ну что, Олег, – сказал после обеда командир самолёта второму пилоту, – Пойдём готовиться к полёту. Пока пройдем санчасть, оформим задание, получим метеоинформацию, глядишь, лайнер и подготовят.

– Ты прав, Борис, надо готовиться. У техников тоже подходит обед, до обеда наверняка самолёт подготовят.

Борис Тёмкин, стройный, высокий и чернявый, для Олега авторитет. Он имел приличный налёт и определённый опыт, да и жизненный опыт тоже имелся, Борис имел в отличие от Олега семью.

– Пойдём в санчасть, а потом принимаем решение и на самолёт, можно успеть сделать в Пёшу два рейса за рыбой.

Пилоты обошли необходимые инстанции, собрали подписи, расписались, где надо, сами и отправились к самолёту. Диспетчер задание подписал, хотя фактическую готовность самолёта никто не давал.

Лайнер стоял на стоянке. Единственное, что экипаж немного смутило, у самолёта никого они не увидели. Пилоты проверили заправку горючим и маслом, заправки вполне хватало для выполнения одного рейса.

– Олег займись уборкой швартовки, подготовим самолёт к вылету сами. Наступило время обеда, вероятно, техники обедают. Пока готовимся, они и подойдут.

Никто к самолёту не подошёл и тогда, когда всё оказалось готово к вылету. Идти спрашивать, значит – потерять ещё один час.

– Садись, поехали! – сказал командир категорично, – оформим карту-наряд после полёта.

– Может, я сбегаяю, спрошу? – неуверенно спросил второй пилот.

– Пока бегаешь, мы потеряем драгоценное время. Самолёт стоит в плане, значит должен быть подготовлен.

– Хорошо, я всё отшвартовал, снял струбины.

– Вырулим сами, запроси у диспетчера запуск двигателя.

Запуск диспетчер разрешил, ему и в голову не приходило, что самолёт неисправен.

Техник, сытно пообедав, пришёл продолжать работу, но, к своему удивлению, самолёта на стоянке не обнаружил. Он даже для верности протёр глаза, но самолёт не появился. Ничего не понимая, он стоял в глубоком раздумье: «Возможно, кто-то работу доделал, но кто мог это сделать, если все заняты, да и не выполнить весь объём работы за один час, пока я отсутствовал, для этого нужен инженер, проверить регулировку «высотника». Александр, так звали техника, ничего не понимал. По возрасту он совсем ещё очень молод, без достаточного опыта работы, быстро сориентироваться и забить тревогу не догадался и пошёл спрашивать у своих коллег, куда делся самолёт, но никто не мог ничего объяснить. У всех свои дела, своё дневное задание, и нет дела до чужого самолёта. Александр проверил все самолёты на стоянках, заглянул в док, но нигде своего лайнера не обнаружил. Ничего не оставалось делать, как доложить инженеру.

Юрий Белугин не поверил, что Ан-2 мог просто исчезнуть. Он решил проверить всё сам, а уж потом докладывать выше. Его поиски тоже не увенчались успехом, никто самолёт после обеда не видел.

Юрию ничего не оставалось делать, как доложить начальству. Самолёт нашли сразу, оказалось, что он улетел в Пёшу и уже вылетел оттуда обратно. С вывернутыми пробками на корпораторе он лететь не мог. С подъёмом на высоту должен был отказать двигатель. А самолёт не только слетал в одну сторону, но и летел, как ни в чём небывало, обратно. Попытались выяснить, кто доделал работу, но таких специалистов не находилось, впрочем, не нашли и техника, который бы выпустил самолёт в полёт. Карту-наряд, на основании которой экипаж принимает самолёт, тоже не обнаружили. Какая-то мистика! Никто ничего не видел, неисправный самолёт поднялся в воздух и летит вопреки всем законам физики. Диспетчерской службе сообщили, чтобы самолёту не меняли высоту во избежание ухудшения ситуации. Оставалось только ждать.

Встречать самолёт пришла целая делегация.

Экипаж знал о своём нарушении и помалкивал, но не знал о том, что двигатель на самолёте частично разобран.

– Как работал двигатель? – спросил Юрий у экипажа.

– Отлично! – доложил командир в ответ.

– Неустойчивой работы двигателя не случилось?

– Нет, всё было нормально.

Грешно журить победителей, которые сами не знали, на чём слетали.

Получилось как-то и горько, и смешно. Самолёт мог и не долететь до пункта назначения. Вывернутые пробки потом нашли в капоте двигателя. Техник продолжил свою работу, а экипажу предстояло выдержать грандиозный разбор. Так уж принято в авиации: о всём случившемся сообщали всему личному составу, чтобы не повторить ошибок, сделанных экипажем. В технической службе сделали и ещё один вывод: всё, что откручено и открыто, прикручивать и закрывать до обеда.

08.2009.

Ваня

Я возвращался из командировки поздно ночью. Вообще-то я должен был вернуться на пол суток позднее, но так уж получилось, что все дела улажены в более сжатые сроки. Подойдя к дому, я посмотрел на свои окна, в которых, как и в остальных, темно. Маринка скорее всего спала, и мне не хотелось будить её среди ночи. Я стоял у подъезда, не решаясь войти внутрь и разбудить там ночную тишину.

Из подъезда вдруг вышел молодой человек. В его облике мерещилось что-то до боли знакомое, но узнать его я не смог. С памятью иногда такое бывает: точно знаешь, что видел когда-то этого человека, но не можешь вспомнить, где и когда.

– Простите, Вы не знаете, который час? – Обратился он ко мне.

– Около трёх. А Вы поднялись куда-то с утра пораньше?

– Точнее будет сказать, что ещё не ложился. Засиделся в гостях у знакомой. Получилось ни себе, ни людям. Что-то её сегодня тревожило, всю ночь боялась, что придёт муж, и в итоге попросила меня уйти. Никогда не поймёшь этих женщин: то сами приглашают, то выдворяют среди ночи.

– На то они и женщины, чтобы вертеть хвостом. Чего же среди ночи ходишь? Житейские дела можно решать и днём.

– Сам-то тоже, мужик, ночью ходишь!

– Меня ночь застала в пути. Вынужденная, так сказать, прогулка.

– Женщина, прямо скажу, изюминка. Одна беда, что замужем. Правда и я женат, но это не мешает нам встречаться. Муж её ни о чем не догадывается. Как только уезжает в командировку, я сразу к ней, так и живём несколько лет. Сегодня первый раз она была такая нервная, не дала даже одеться, выпроводила за дверь.

Только теперь до меня дошло, почему он показался мне знакомым. Он облачён в мою куртку и мою шляпу. В командировку я одеваюсь по-походному, а повседневная одежда обычно остаётся дома.

– Видно, Маринка тебя не очень любит, раз не дала даже как следует одеться.

Теперь он уставился на меня.

– А ты откуда знаешь, как её зовут?

– Да уж знаю. Ты же у неё не один.

– Ты разве тоже у неё бываешь?

– Иногда бываю, когда не очень занят работой, но меня она так не выпроваживает.

– Ну и стерва, а говорила, что любит только меня!

– А ты меньше доверяй женщинам.

– А как же не доверять, встречаемся столько лет, казалось, что знаем хорошо друг друга, доверие вроде бы полное.

– И что муж её совсем не догадывался?

– Она женщина осторожная. Мне сразу сказала, что семью рушить не хочет – это её условие, и мы его соблюдали. А вообще она говорит, что муж у неё полный лопух, никогда не ревновал и не обращал на её жизнь внимания.

– Так уж и лопух, может, он пытался не создавать лишних проблем и не затевать из-за пустяков ссор?

– Может и так. Это их дело, как им жить. Здесь только одно ясно, что мы с тобой остались не у дел, – незнакомец уходит не торопился, видать, ему надо выговориться.

– Пойдём и выясним всё у самой Марины.

– Что, прямо среди ночи? Меня она обратно вряд ли пустит.

– А меня пустит, не имеет права не пустить. Да и одеться тебе надо по-хорошему.

– Разве заметно, что я плохо одет?

– Мне кажется, что одел ты не всё своё. Ну, например, эта шляпа тебе совсем не идёт.

– Шляпу Маринка мне одела уже на ходу – это действительно не моя шляпа.

– Зачем же брать не свои вещи? У тебя есть прямой повод вернуться, а меня никто не выпроваживал, поэтому я могу идти без повода.

– Идти среди ночи?

– Я почему-то думаю, что меня она не выгонит. В конце концов, мы ничего не теряем, навестив Марину. У тебя есть повод приревновать её ко мне, – я невольно поёжился.

Ночная прохлада давала о себе знать. Мы стояли уже несколько минут практически без движения. Мне стало всё ясно и заходить домой теперь надо только для того, чтобы забрать свои вещи.

– Давай тогда уж знакомиться, раз мы стали вроде как родственниками. Меня зовут Иван.

– Меня Ваня. Прости, но меня действительно так звать. Мы оказывается ещё и тёзки.

– Так удобно для женщины, не перепутает имя даже во сне.

– Подведём итог: мы оба Вани и оба любим Марину, – подытожил Ваня.

– Я теперь уже не уверен, что люблю именно Марину.

Мой тёзка, кажется, до сих пор не догадывался, что разговаривает с мужем его любовницы Марины.

– А мне она нравится, но только, как любовница. Я женат, и разводиться пока не собираюсь.

– Мне, в отличие от тебя, светит развод.

– Что, так плохо?

– Хуже уже некуда. Я, правда, сам узнал об этом совсем недавно.

– Сочувствую. Честно говоря, я женщинам никогда не верил. Они всё время в поиске, и чем лучше живут, тем больше ищут. Безделье и недостаток способствуют поискам приключений.

– Эти поиски зачастую плачевно заканчиваются. Я согласен, что женщина ищет, где лучше, где комфортнее, где есть защита и опора, но при нормальной семейной жизни искать приключения просто кощунственно. Чего, скажем, недостаёт тебе или твоей Марине?

– Мне недостаёт как раз того, что я здесь и нахожу, а что недостаёт Марине, надо спросить у неё самой. Я не знаю её мужа, может, он какой-нибудь деспот или тиран. Мне она никогда не рассказывала о своей жизни. Ты-то сам тоже ходишь к Марине, значит, тебе также чего-то недостаёт. Зачем-то же ты ходил к ней?

– Я и сам сейчас задумался, зачем я к ней ходил? Наверно, она не та женщина, которая мне нужна. Век живи, век учись! Даю слово, что я ходить больше к ней не буду. А лучше всё же спросить у неё самой, кто ей больше нужен?

Мы поднимались по лестнице. Остановившись у нужной двери, Ваня нажал на звонок. Дверь открылась сразу, как будто нас ждали.

– Марина, прости, это не моя шляпа.

– Шляпу и пиджак можешь оставить. Твой пиджак висит на вешалке. Я в окно всё видела, как вы встретились и как разговаривали. Правда, я не знаю о чём, но догадываюсь. Я предполагала, что когда-то всё должно закончиться.

– Да, ложь и обман когда-то должны вылезти наружу, – я успел вставить в диалог своё слово.

– Прости, так получилось. Я не хотела рушить семью. Это всё случилось давно. Я чувствовала, что ты сегодня вернёшься, а потом увидела тебя в окно. Ваня ушёл быстро, но видно суждено было вам встретиться.

– Так ты и есть муж Марины? – тёзка только и смог это вымолвить.

– Да, я был её мужем. А теперь оставляю её тебе, свои проблемы будете решать без меня, – я сказал это с равнодушным видом, достав из холодильника бутылку коньяка, – И предлагаю это отметить. Я вообще-то с дороги, устал и мне нужна разрядка, чтобы осмыслить всё происходящее. Тебя, тёзка, приглашаю за стол на правах бывшего хозяина, твоя вина во всей этой истории минимальная.

– А меня кто-нибудь спросит? – Марина, выслушав мою речь, решила задать вопрос.

– В эту минуту пока я хозяин этого дома, а тебя обязательно спросим, как и с кем ты собираешься жить дальше, но это скорее будет уже без моего участия. Ты удовольствие получила сполна, теперь позволь расслабиться мне, а утром я уйду. Как считаешь, Ваня, имеем мы право, позволить себе расслабиться?

– Я здесь не хозяин, компанию поддержу, раз так уж случилось. Извини, Марина, стечение обстоятельств.

– Теперь обстоятельства виноваты. Кто тебя козла просил на улице подходить к моему мужу. Слизняк, даже нормально уйти не можешь.

– Марина, успокойся. Два Ивана рано или поздно всё равно бы встретились.

– Тебе хорошо говорить, успокойся. Меня-то ты в какое положение поставил?

Тем временем я налил две рюмки и, не чокаясь, свою стопку выпил. Сон прошёл. Спать в постели, на которой совсем недавно спали другие влюблённые, мне не хотелось.

– Давай, Ваня, по второй! Помянем мою бывшую жену добрым словом. Теперь она в полном твоём распоряжении. Хочешь – забирай к себе, хочешь – оставайся сам. Я сегодня направляюсь в бессрочную командировку, поживу пока на даче, а дальше видно будет.

– Я выпью. Действительно мы все оказались в нехорошем положении. Хочешь, пойдём ко мне, будешь жить пока у меня. Моя жена женщина нормальная, против не будет.

– А я что, выходит ненормальная? – спросила Марина.

– Иди, Марина, спать.

– Нет уж, наливай и мне. Какой теперь сон?

Мы сидели и мирно беседовали. Со стороны казалось, что собрались все за семейным столом. Когда опустела первая бутылка, Маринка принесла вторую. Сон всё же сморил. Это был какой-то тяжёлый и тягучий мучительный сон, в который я провалился, как в яму. Проснулся я на том же месте, на котором сидел. Голова оказалась тяжёлая и одеревеневшая, мысли путались, перескакивали, казалось, всё, что произошло накануне, мне приснилось. Маринка спала, свернувшись калачиком на диване в домашнем халате. Вани нигде я не увидел. Я поискал что-нибудь утолить жажду, но ничего не нашёл, на душе противно и мутно. Если всё, что произошло, правда, значит, дела мои совсем дрянь. Простить Маринку я не мог, так уж устроен, что не мог терпеть обмана. Если в семье ложь и обман, дальше ждать нечего и хорошего впереди ничего не будет. Хорошо, что мы как-то не успели обзавестись детьми – это несколько радовало. Делить, в общем, нам нечего.

Я ушёл в ванную комнату и залез под прохладный душ. Помыться надо бы ещё ночью, после дороги, а теперь я не только мылся, но и пытался прогнать хмель. Когда я вышел из-под душа, Ваня, как ни в чём небывало, сидел на кухне.

– Я принёс подлечиться.

– Спасибо, но я больше не буду. Вчера и так перебрал.

– Тёзка, у тебя плохой вид, выпей тогда хотя бы кофе, пива или напитков. Я всё принёс.

Я выпил пива. Неожиданно для себя я сделался снова пьяным, но стало немного легче. Жизнь уже не казалась законченной, а Ваня наливал снова в стопки водку. Маринка проснулась, когда разговор у нас оказался в самом разгаре. Мы не заметили, как она собралась и, сказав на ходу: «Я поживу немного у мамы», выпорхнула из квартиры. Мне это даже стало на руку. В своей квартире надо немного отдохнуть и отойти от стресса. Впереди выходные, на работу мне не надо, значит, я мог спокойно всё решить и обдумать. Правда, меня досаждал

Ваня. Он ни на минуту не умолкал, обвинял во всех грехах женский пол, учил, как надо жить и с ними обращаться, даже объяснял, как надо пить водку, чтобы не опьянеть. Его не интересовало, слушал я или нет, он разговаривал сам с собой, ничуть не интересуясь реакцией «аудитории». В Ване я видел источник вдохновения, он не давал уйти в собственные размышления и отвлекал, как мог, от грустных мыслей.

– Ваня, а тебя дома не ждут?

– Из двух зол выбирают меньшее, сейчас плохо тебе, значит, я пока буду с тобой. В конце концов, в том, что произошло, есть и моя вина. Если б я знал, что Маринка твоя жена, я никогда бы с ней не стал встречаться. Кажется, что мы давно уже знаем друг друга, и я переживаю не меньше твоего. Клин вышибают клином. Сейчас я позвоню и попрошу придти знакомых женщин. Тебе надо отвлечься.

Я возразить не успел, он уже с кем-то разговаривал по телефону и договаривался. Дальше всё шло, как в тумане. Я проснулся, потеряв счёт дням и часам, не зная утро на улице или вечер. На моей руке мирно покоилась женская голова. Кто эта женщина и откуда, я вспомнить не мог. Высвободив руку, я поднялся и, шатаясь, отправился на кухню утолить жажду. К моему удивлению, на кухне хлопотал Ваня. На газовой плите скворчала яичница. За столом сидела белокурая женщина, которую, мне казалось, я видел впервые. На кухне чисто и прибрано, даже посуда вся перемыта. Я, устыдившись своего внешнего вида, хотел уйти, но Ваня не дал:

– Садись, тут все свои. Как твоя Галина, проснулась?

– К-какая моя Галина?

– Ну, не прикидывайся. Ты весь вечер называл её «моя лапочка».

Тут до меня дошло, что женщина, которую я обнаружил на своей руке, и есть Галина.

– Ты даже моей Зое целовал руки и приставал, но я не в обиде, Зоя тоже, присаживайся, будем завтракать.

Я всё же пошёл в ванную комнату привести себя немного в порядок. В зеркале отражалось помятое оплывшее лицо, заросшее щетиной. Привести это лицо в нормальный вид требовалось время. Умывшись, я не стал бриться и пошёл на кухню таким, какой был. Яичница оказалась очень кстати, но не успел я сесть за трапезу, как из спальни появилась Галина и, как ни в чём не бывало, уселась мне на колени.

– Ты меня покормишь? Я что-то за ночь проголодалась. Мне давно не было так хорошо, как в эту ночь с тобой. Ты обещал даже на мне жениться, а я, между прочим, не против.

– Я, кажется, вчера перебрал и ничего не помню.

– Чего сразу испугался? На женитьбе я не настаиваю, но предложение можешь обдумать.

Ваня сказал, что с женой ты разводишься и тебе нужна женщина.

– Да, но...

Договорить я не успел. В мой рот переместилась со сковороды значительная часть яичницы – это Галина начала за мной ухаживать, сидя у меня на коленях.

– Молодец! Пить я тебе больше не разрешу. Какой-то ты стал весь помятый и небритый, будем приводить твой фас в порядок.

– А я что же, один должен пить? – Ваня сделал обиженное лицо, – За мной почему-то никто так не ухаживает. А я, между прочим, всех собрал, я же, если смотреть правде в глаза, и организовал это застолье в этом составе. Если бы не я, мы никогда бы вместе не собрались.

– Ты наверно забыл, как оказался в этой квартире, – Зоя напомнила Ване его ночное приключение, – Скажи спасибо, что хозяин не выбросил тебя в форточку.

– Я же хотел как лучше. Откуда я мог знать, что Марина жена Ивана. Что я, ловелас что ли какой-то, чтобы бросаться на жён своих друзей? Да знал бы я, что это жена Ивана, в жизни бы к ней не подошёл.

У меня в голове намешан какой-то сумбур. Последние события все перемешались, пропало ощущение времени, какая-то бесконечная затянувшаяся вечеринка со случайными дей-

ствующими лицами, но которых, казалось, я знал уже вечность. Мне навязывали какую-то игру, правил которой я не знал, но был вынужден играть из-за стечения обстоятельств. Галина жила у меня на коленях, расположившись, как дома. Что у меня с этой женщиной, я не знал, как не знал также, кто она такая, где работает, где живёт.

Заправлял всем Ваня. Он оказался удивительно компанейским, без багажа комплексов, прост в общении и не давал никому скучать, успевал не только ухаживать за Зоей, но и следил за остальными, чтобы общий разговор был оживлённым и непринуждённым.

Через некоторое время, поручив нам с Галиной убирать посуду, он с Зоей исчез в глубине квартиры.

Я попытался выяснить у Галины некоторые подробности прошлой ночи и отдельные детали её биографии, но она отшучивалась, и наш разговор происходил, как будто на разных языках.

– Нас позвал Ваня, вот у него всё и выясняй, – подвела она итог нашему диалогу.

Уборка на кухне подходила к концу, когда в прихожей хлопнула дверь. Шаги приблизились к порогу кухни, и в проёме двери показалась Марина. Её появления никто не ждал. Она тоже не ожидала увидеть посторонних, да ещё женщину в моём обществе. Ваня с Зоей, очевидно, тоже слышали входную дверь и появились за спиной Марины. Моя жена от растерянности молчала, не решаясь заговорить или не находя подходящих слов.

– Ну, нам, пожалуй, пора, – это проговорил Ваня, пришедший первым в себя от замешательства, – Девчонки, собирайтесь, мы уходим.

– Ну, ты и наглец! Это кого ты сюда привёл, – Марина, наконец, опомнилась и вымолвила первую фразу.

– Всё, всё, Мариночка, мы уходим. Просто навестили Ивана, надо же проверить, как он тут один справляется с хозяйством.

– Я вижу, вы неплохо справлялись. Уходите, не хочу никого видеть, а ты оставайся. Если хочешь уйти, уйдёшь завтра, не с такой помятой рожей. Иди, отсыпайся, видеть тебя я тоже не хочу.

Через пару минут гости из квартиры исчезли. Я ушёл на диван, мне и в самом деле надо приходиться в себя. Выходные закончились. Завтра начинается новый рабочий день, и появятся новые проблемы.

Вани я больше не видел. Сам встреч с ним не искал, а он, вероятно, забыл дорогу к этому дому. С Маринкой мы помирились. Коней на переправе не меняют – это я знал твёрдо. Создавать сам себе новых проблем не стал. В новой жизни появятся новые «Вани» и новые «Галины», говорят, с незапамятных времён в природе повторяются определённые циклы, так, вероятно, происходит и у людей.

06.2009.

Взлёт

Весенний лёд на поверхности реки идеально ровный и гладкий, схваченный намертво ночным заморозком. Стояли тёплые апрельские дни. Слой снега, покрывавший поверхность реки сошёл, а выступившая на её поверхности вода, замёрзла от ударившего внезапно ночного заморозка. Выделялась только бывшая дорога, проложенная прямо по руслу реки, по которой вывозили с лугов сено. Весенний день вступал в свои права. Солнце поднялось уже высоко и заметно пригревало. На сверкающий лёд реки больно смотреть. Алексей старался сосредоточить свой взгляд на дороге, по которой и старался ехать на своём стареньком «ИЖаке». Ледяная дорога ребристая. Прошедшие трактора оставили незначительный след от траков гусениц. Так колея и вытаяла из-под снега с оставшимся следом от гусениц.

Большой необходимости ехать по реке не возникало, следовало только её пересечь, но Алексею больно уж понравилась увиденная «трасса», и он свернул на дорогу, по которой возили сено. Мотоцикл даже не потряхивало, настолько ровно замёрзла поверхность льда. Проехав так с полкилометра, Алексей убедился, что ровная поверхность нигде не имеет промоин и трещин. «Сейчас посмотрю, на что мой конь способен!» – сказал он сам себе мысленно. Впереди виднелся совершенно прямой участок реки.

Постепенно переключая передачи, мотоциклист включил последнюю наивысшую скорость и выкрутил ручку газа до конца, обеднив корректором смесь и увеличив тем самым скорость мотоцикла ещё больше. Спидометр не работал, но засвистевший в каске ветер, извещал о том, что скорость заметно выросла, которая ощущалась только от набегавшего потока воздуха, а мотоцикл нёсся, как по полированному столу, даже не шелохнувшись.

На душе хорошо и радостно. Сверкающая поверхность льда, высокий левый берег с расположенным на нём селом, тёплый весенний день и хорошее настроение сплелись в один комфортный кусочек жизни, отчего на душе весело и приятно. ИЖ нёсся по прямой на пределе всех своих восемнадцати лошадей.

«Жалко никто не видит этого весеннего праздника», – подумал Алексей, – «Вид из населённого пункта уже совсем другой; там и не развить такую скорость, всё время попадаются колдобины да ямины. Сейчас и ездить опасно: колеи от машин залиты водой, можно и поскользнуться, и упасть, а ещё грязь и брызги из-под колёс, если сам никого не окатишь, то тебя обязательно обрызгают».

Удовольствие длилось недолго. Промоину мотоциклист увидел непосредственно перед колесом, поскольку она сливалась со всей поверхностью, и заметить её можно только, глядя сверху. Он не успел даже подумать, откуда она тут взялась? Он вообще ничего не успел подумать, просто взгляд зафиксировал тёмную дырку, которая нырнула под колесо, а в следующее мгновение Алексей уже ни о чём не думал, возможно, потерял сознание. Момент удара он тоже не помнил. Следующее, что он ясно осознал – это полёт в воздухе. Мотоцикл, как взъярившийся и вставший на дыбы конь, летел по воздуху вертикально. Алексей всё также сидел, держась за руль. Сознание начало работать мгновенно и чётко. Он изо всех сил толкнул мотоцикл от себя вперёд, сознавая, что, если эти триста килограмм упадут на него, будет очень плохо и больно. А ещё через мгновение мотоциклист падал на лёд сбоку от дороги, успев немного сгруппироваться и принять встречу с землёй правым плечом. От удара плечу стало очень больно. Он ещё не знал, сломал что-нибудь или нет, но осознавал, что живой, дышит, чувствует боль и размышляет.

– Ну, ты, Лёха, и дурак! – сказал он вслух.

Постепенно, ощупывая себя, приподнялся, встал на ноги и пошёл к мотоциклу, про себя он уже забыл. Теперь сверлила голову мысль: «Что с мотоциклом?». Стальной конь лежал

на дороге метрах в пятнадцати впереди. Из него вывалился аккумулятор, который быстро удалось вправить обратно на своё место. Двигатель сразу же завёлся.

Поняв, что с мотоциклом всё в порядке, Алексей снова почувствовал боль. Теперь сознание переключилось снова на самого себя. Он ещё раз себя прощупал, но кроме ушибов ничего не нашёл, сел снова за руль, но мотоцикл ехать не захотел. Переднее колесо стало подпрыгивать и тереться о вилку. Только теперь мотоциклист разглядел повреждение: обод переднего колеса оказался смят вовнутрь. «Это как же надо удариться, чтобы так сделать?», – подумал мотоциклист. Возможно, смявшееся колесо его и спасло, амортизировало так, что мотоцикл взлетел в воздух вместе с седоком, а не выбросил водителя вперёд по ходу движения. Колесо жалко, но оно ехать позволяло, вращалось, задевая крышкой о вилку. На первой передаче движение оказалось вполне приемлемо. Только возникло ощущение, что колесо квадратное, так как руль всё время подпрыгивал.

Он так и возвратился домой на первой передаче, проехав через всё село. Никому не было дела до тархтящего по весенней разбитой дороге мотоцикла. Если бы не болевые ощущения, то ощущения от полёта в воздухе на мотоцикле были бы незабываемыми.

А стального «коня» своего он отремонтирует, поколдует, кое-что заменит, отрегулирует, и опять поедет.

03.2010.

Возвращение в прошлое

Семён прошёл мимо деревянной проходной и нырнул в выдавшую виды дощатую дверь доперестроечного периода. По её внешнему облику видно, что последние двадцать лет она не ремонтировалась и не обновлялась. У проходной скучал охранник, ненавязчиво наблюдавший от скуки за прилетевшим человеком. Объяснив ему, что нужен начальник аэропорта, Семён Разуваев прошёл после разрешения несколько десятков метров до перрона.

Семён стоял на перроне и не узнавал аэропорт, от которого веяло каким-то запустением, неухоженностью и тишиной. Кроме рейсового самолёта на перроне других воздушных судов не наблюдалось. Вернулся сюда он через много лет, и в памяти был тот, другой аэропорт, когда всё шумело, крутилось, суетились люди, копошился инженерно-технический персонал, чинно спешили к своим лайнерам пилоты, не торопясь, но и стараясь не опоздать к назначенному времени. Перрон всегда был завален какими-то мешками, ящиками, фермами и прочим грузом так, что самолёту и развернуться при желании негде. Груз не успевали убирать и отправлять далее по площадкам. Маленькие Ан-2 садились и снова взлетали, увозя в своём чреве тонну груза, иногда пассажиров и почту. Стоял неумолкающий шум моторов. Урчали двигатели, как на самолётах, так на машинах и механизмах, обслуживающих всю эту армаду лайнеров.

Сейчас на перроне пусто. Только вдалеке, где раньше располагались самолётные стоянки, стояли остовы от догнивающих самолётов. Разрушительные реформы не оставили ничего. Осталось только то, что невозможно или невыгодно унести или увезти. А то, что исчезло, мало что в последствии использовано по прямому назначению.

Пассажиры медленной вереницей тянулись со своими сумками и баулами к выходу с перрона. Ему бросилось в глаза, что многие тянули огромные клеёнчатые сумки, в которых раньше «челноки» перевозили шмотки из-за границы. На севере это явление раньше отсут-

ствовало. В магазинах существовали стабильно пустые полки со скучающими продавцами. Веяние нового времени коснулось и Севера. На свободные рынки сбыта кинулись сотни мелких торговцев и предпринимателей, которых раньше называли просто и ясно – спекулянты. Формула этого явления проста, как Божий день: купить дешевле, продать дороже. Этим сейчас и занималась львиная доля значительно поредевшего за последние годы населения, оставшаяся без предприятий, работы и во многих случаях без средств к существованию. Негативного отношения к деятельности предпринимателей у населения не возникало, даже наоборот, появилась возможность купить всё, что захочется, были бы деньги. Люди просто работали и зарабатывали себе на жизнь на перепродаже товара и продовольствия. Совхозы и государственные предприятия исчезли. Чем ещё зарабатывать людям себе на жизнь? Тем и зарабатывали, что приспособивались к новой жизни, кто как может.

Имелись попытки и раньше открывать свой бизнес, создавали кооперативы, но они существовали очень недолго и в самом зародыше задушены налогами и проверками. Дольше других продержались видеозалы, но и они со временем тоже исчезли под натиском давления сверху, как несшие чуждую для того времени идеологию, пропагандирующие якобы секс и насилие. А теперь эти «секс и насилие» транслируются круглые сутки по всем каналам телевидения. Западная культура упорно навязывается общественности, старикам, детям. Доминирует засилье экранных девиц, ведущих якобы самый правильный образ жизни, распущенных и вульгарных, не имеющих понятия о нравственности и морали. Отношение народа к этим проявлениям западной морали однозначное, но все вынуждены смотреть то, что показывают с обязательной демонстрацией курения и распития спиртных напитков, а потом разбрасыванием в разные стороны окурков и пустой тары – это в том, другом экранном мире, очевидно, считается высшим шиком.

От нахлынувших мыслей отвлёк вопрос:

– Семён, ты что ли?

Семён вглядывался в постаревшее лицо окликнувшего его человека. Он конечно же его узнал, но никак не мог привыкнуть к новому, ему непривычному облику. Семён знал его молодым, энергичным, требовательным, а сейчас на него смотрел пожилой человек с грузом за плечами от прожитых лет, но глаза те же самые, правда, потускневшие, но с живым блеском.

– Я, своей персоной.

– Ты как тут?

– Но ты же здесь? Вот и я здесь, – Семён рассмеялся.

– А ты всё такой же шутник. Я-то никуда не уезжал. Реформы, глобальное переселение – это всё не для меня.

– Разве реформы тебя не касаются?

– Реформы сами по себе, а я сам по себе. Мы существуем параллельно и друг другу не мешаем. Каждый идёт своим путём.

– Хорошо, что ты не растерял свой оптимизм. Работаешь?

– Пока работаю. Самолёты доживают свой век, и я вместе с ними. Чего приехал-то? Погостить?

– Только по гостям и разъезжать. По делу приехал. Двигатели нужны.

– Для АН-2?

– Для него.

Старшинов Володя, помолчав, сказал:

– Ты же знаешь, сколько лет прошло. Двигатели есть, но они все требуют ремонта.

– Мне сгодятся любые.

– Куда же ты их ставить будешь?

– Как куда? На самолёт. Ставим и летаем.

– Вы ребята самоубийцы.

– А куда денешься? Сейчас запчастей не найти, в том числе и двигателей. Ставим всё, что найдём.

– Как же вам разрешают?

– Запрещать некому. Лицензия для полётов есть. Проверяют только бумаги, а остальное никого не интересует. Так и летаем, на списанных двигателях. Числится на самолёте один, а на самом деле стоит другой. Если мне не изменяет память, здесь на складах было всего столько, что можно озолотиться.

– Ты правильно сказал: было. После работы старого директора и нового внешнего управляющего, человека далёкого от авиации, взятого неизвестно откуда, мало что осталось. Всё разворовано и растащено. Директора нажились и исчезли. Говорят, что всё сделано по закону.

– А как же, у них всё по закону. Только мы почему-то остаёмся в стороне от их законов. Нам ничего не остаётся. Летаем, на чём придётся.

– Законы написаны для тех, кто у руля. Они создают законы, они же и уничтожают предприятия одно за другим. За десять последних лет я не припомню случая, чтобы что-нибудь создавалось, если не считать коммерсантов, которые сами по себе возникают и исчезают, но некоторые, правда, остаются, ухватив удачу за хвост.

– Ты говори конкретно: поможешь или нет?

– Я-то чем тебе помогу? Работаю в организации, которая за пределами района. Оставшееся имущество числится в администрации. Оттуда надо и начинать.

– Но посмотреть-то можно на то, что осталось?

– Посмотреть можно, обратиться в аэропорт.

Семён пошёл искать Генерального директора маленького и теперь уже почти никчемного аэропорта. Веяния нового времени всех мало-мальски действующих начальников сделали Генеральными. Народ к этому привык и не обращал внимания: пусть себе ходит и радуется, что он Генеральный во главе нищего предприятия. А предприятия эти продолжают разваливаться одно за другим.

Перед проходной он обратил внимание, что у котельной копошатся люди, идёт какое-то строительство, что очень непривычно для глаз. В последнее время такую картину можно наблюдать редко.

Погода стояла самая, что ни на есть, мартовская – лёгкий морозец с ярким солнцем, слепящим глаза светом, отражённым от искрящегося снега. Получалось, что Володя встретил пока только одного бывшего работника предприятия. Объединённый отряд в своё время насчитывал около тысячи человек. Нельзя пройти, чтобы не встретить по пути несколько десятков человек, а теперь словно всё вымерло. Так, наверно, после реформ и есть на самом деле, в прямом смысле этого слова.

Видневшееся здание бывшей столовой авиапредприятия имело жалкий вид: стояло с заколоченными окнами, неухоженное и заметённое снегом. Видно, что к нему никто не подходит, и оно стоит само по себе.

Семён приехал на машине. Приятно видеть, что появилось хоть что-то: появилась прекрасная зимняя дорога, по которой, говорят, можно ездить на машине теперь и летом. Дорога имела и раньше, но по зимнику на отдельных участках приходилось объезжать каждую ёлку. За последние годы дорога выпрямлена, отсыпана и сдана в эксплуатацию для круглогодичного сообщения с областным центром.

– Здравсте! – мимо прошла краля, в которой Семён едва узнал девушку метеонаблюдателя, которая в его памяти когда-то была молодой и весёлой хохотушкой, а сейчас на него смотрела взрослая женщина. Одно почти не изменилось – её худоба, годы почти не изменили тоненькую фигуру.

– Здравствуй, тебя и не узнать! – ответил Семён.

– Постарела?

– Нет, повзрослела. Пора уже и замуж.

– Спихватился! У меня внуки растут.

– А я бы на тебе женился, стала красавицей. Директор аэропорта существует? Где его найти?

– Пока самолёт здесь, и он здесь, ищи в кабинете.

Договориться с директором не составило труда, в сопровождающие ему дали всё того же Володю Старшинова.

Склады поразили своей неухоженностью и безнадзорностью. Видно, что новому хозяину нет никакого дела до оставшегося имущества, залитого водой от прогнившей крыши и, наверно, не было никакого дела до всей авиации. То, что имелось на складах, больше напоминало мусорную свалку. Новый хозяин в лице администрации совершенно некомпетентен в правилах хранения авиационных запасных частей, поэтому всё лежало навалом, без документов и, даже опытному специалисту трудно разобраться в этом нагромождении. Бывших директоров тоже мало волновало, что останется после них.

– Зря наверно я сюда приехал, – сказал Семён, – Жаль потраченного времени, бензина. У меня до сих пор перед глазами стройные ряды полок с новенькими запасными частями и агрегатами, от которых рябило в глазах. Столько всего пропало! Я никак не думал, что нечего будет купить.

– Ты спихватился! Всё более-менее ценное давно разворовано и растащено. От директоров запоров не существовало. Куда всё ушло – одному Богу известно! Осталось только то, что на самолёт ставить вредно и небезопасно, а что первой категории, на то нет документов и истекли сроки хранения.

– Пойдём отсюда, посмотрим двигатели, пару двигателей я всё же возьму, а потом отметим отвальное – не зря же я сюда ехал. К вечеру собери знакомых парней.

Заметно, что Семён сильно удручён увиденным.

Вечером Разуваев сидел в гараже в кругу бывших работников. Мужики помогли загрузить двигатели, за которые он заплатил районной администрации, на машину, пополнив, таким образом, местный бюджет, а теперь он выставил работникам аэропорта за оказанную помощь.

– Как же вы тут живёте? Кроме взлётной полосы ничего не осталось.

– Живут на Рублёвке, а мы существуем, переселиться тоже туда у нас маленько не хватает средств, – ответил охранник аэропорта, – Заработаем на переселение и тоже уедем.

– Представляю, сколько у вас не хватает с такой нищей жизнью. Самолёты-то хоть прилетают?

– Два рейса в неделю стабильно, летом почаще. Самолётов не осталось, да и возить уже некого, большинство «пассажиров» во время реформ отправились в последний путь в одну сторону. Те, кто ещё живые, предпочитают ездить на машинах. При наших заработках на авиабилет не заработать. Здесь, если так можно сказать, прошла война и всё выкосила, как людей, так и всю инфраструктуру, всё реформировано на сто процентов. Вот только для кого эти реформы, мы не знаем. Остались одни конторы, которые размножаются и висят, как ярмо, на бюджете. Вот бюджетных денег ни на что и не хватает! Представь, сколько надо бюджетных средств только на содержание всего аппарата чиновников! Есть даже такие чиновники, которые, имея шикарные машины и квартиры, умудряются получить статус малоимущих. Стыд, честь и совесть у этих людей отсутствуют, может, растеряли, а, может, никогда и не имелось, с рождения.

– Хватит о грустном, везде одно и то же. Мы ничего не исправим, а зря языком молоть тоже не хочется, – Семён наполнил стаканы, – Тост за нас, за тех, кто не бросил авиацию, остался нищенствовать, но продолжил дело Российских авиаторов!

– Правильно сказал, уточняю: за нищих авиаторов, – Володя поддержал тост, – Мы, все здесь сидящие, очень рады встретить коллегу из прошлой жизни живого и здорового, остав-

шегося верным своему делу, летающего на списанных двигателях, но не утратившего чувство юмора и оптимизма!

– Говорят, что нельзя побывать в прошлой или будущей жизни, но я сейчас вернулся в прошлое, туда, где мы все жили и работали одной семьёй. Завтра проснусь, и снова надо будет возвращаться в жизнь настоящую.

Сумерки сгустились. Короткий зимний день угасал. Неизвестно откуда взявшаяся муха билась об оконное стекло. Стаканы стояли наполненные для очередного тоста.

02.2010.

Демократичный подход

– Одни прохвосты, жулики и проходимцы! – жена никак не унималась.

Опять пришёл счёт, в этот раз за отопление. В какой-то мере она была права. Весь месяц батареи отопления чуть теплились. О тепле в квартире не велось и речи. Сам Иван Иванович ходил по квартире, накинув на плечи пуховую шаль, которая хоть и не согревала, но и не пропускала к плечам холод извне.

Счёт и в самом деле пришёл астрономический. По той сумме, которая в нём указана, можно обогреть целый квартал высотных домов. Куда уходят деньги квартиросъёмщиков, знали все, но методов борьбы с этим явлением никаких не имелось. В жилищно-эксплуатационную контору опять приняли двух бухгалтеров. Штат там и так непомерно велик, но время от времени он пополнялся новыми работниками. Всех надо содержать, отправлять в отпуск, выдавать премию. В котельной, которая отапливала жилой район, работало всего четыре оператора, но их заработная плата не шла ни в какое сравнение с высокими заработками конторских служащих. На оплату труда простых рабочих в конторе денег не находилось.

– Натуральное мошенничество. Требуют платить за то, чем мы не пользовались. Тепла от них мы не видели, – продолжала изливать свои обиды жена.

– Дашенька, успокойся, они тебя не слышат.

– Тебе хорошо, ты квитанции не оплачиваешь, а я опять отдам ползарплаты, на что жить будем?

– Раньше жили и сейчас проживём.

– Но ведь они почти каждый месяц оплату увеличивают!

– Что делать, инфляция.

– У тебя на всё один ответ!

Дарья Степановна знала, что ни она, ни муж сделать ничего не могут. Счета как приходили, так и будут приходиться. Они с мужем будут их каждый раз оплачивать, даже если батареи будут совсем холодными. Это система и с этой системой воевать, всё равно, что с ветряными мельницами. Она оделась и пошла оплачивать счёт, а попутно в магазин. Придётся опять урезать скудный семейный паёк, чтобы денег хватило до аванса. Цены в магазинах растут, как на дрожжах. По телевизору опять трезвонят, что будут повышать пенсию. Вот коммерсанты и пользуются случаем, увеличивают цены пока идёт звон. Пока пенсию поднимут, цены опять будут недостижимыми.

– Степановна, привет! – окликнул её мужик неопределённого возраста, – не дожидаясь ответа, продолжил:

– Дай десять рублей до получки.

– Какая у тебя получка? Ты же не работаешь!

– Ну и что, дадут какие-нибудь бонусы.

– Ты что, банкир, чтобы тебе бонусы отваливали?

– Говорят, что скоро все богатыми станут. Банкиры же получают бонусы, не работая, вот, глядишь, и нам дадут.

– Нахватались импортных слов, язык сломать можно! Чем вам русский-то язык не нравится?

– Так, дашь или нет? Смотри, у кого-нибудь другого попрошу, потом жалеть будешь, что не дала мне взаймы!

– У тебя же, Фома, руки золотые, мог бы сам спокойно зарабатывать.

– Я-то могу, но на кого работать, если везде стараются обмануть, недоплатить, урезать, ужать и сэкономить?

– Ты слышал – в стране кризис, чтобы ужать и сэкономить, нужна причина. Сейчас причина – кризис. Раньше тоже были причины: перестройка, ускорение, реформы. Я вот тоже не знаю, с каких шишов оплачивать счета за квартиру.

– Мне бы твои проблемы! Я давно не оплачиваю, и описывать у меня нечего, и ничего – живу. Вот только на опохмелку не всегда хватает. Дай, Степановна, десять рублей, как разбогатею, сразу отдам.

– Меня десять рублей всё равно не спасут, возьми.

– Я, Степановна, обязательно отдам, – обрадовавшись, воскликнул Фома.

Дарья Степановна и не сомневалась, что он отдаст. Фома мужик честный. Другой вопрос – когда? На это ответа не находилось ни у Фомы, ни у Дарьи Степановны.

– Спасибо, Степановна! – уже на ходу крикнул Фома.

Счёт она оплатила, но кассир сказала:

– С Вас ещё тридцать рублей.

– За что?

– За бланк квитанции, они у нас платные.

– Мне не нужна квитанция.

– А я не могу принять деньги без квитанции, меня уволят с работы.

Дарья Степановна спорить больше не стала, отдала тридцать рублей и пошла в магазин, на ходу размышляя, в чём себе сегодня отказать, так как в дневной бюджет она уже не укладывалась.

Только вышла из магазина, как встретила дочь, которая жила отдельно от родителей.

– Мама, как хорошо, что я тебя встретила! Выручай, срочно надо три тысячи, – сразу выложила Светлана радостную новость, от которой радость встречи как-то сразу померкла.

– Где же я их тебе возьму?

– Мама, очень надо, мы присмотрели для кухни кое-что по мелочи, а потом и этого не будет. Выручай!

– Что же муж-то тебе не одалживает?

– Да какие у него деньги! То, что приносит, едва на еду хватает.

– У нас осталось тоже только на питание, только что «коммуналку» заплатила.

– Мама, кроме тебя мне взять не у кого, найди, пожалуйста, не много я и прошу.

Дарья Степановна отдала из кошелька последние две тысячи.

– Спасибо, мама, когда-нибудь верну!

– Уж вряд ли, от вас мне денег не дожидаться.

Дочка довольная распрощалась и убежала.

Стало легко и радостно. Одалживать и покупать больше нет возможности. Надо идти домой и решать, как прожить полмесяца до аванса. Опять придётся питаться тем, что запасено в погребе, а на хлеб можно денег и занять, на хлеб немного надо.

– Ты мне «чекушку» принесла? – встретил её муж вопросом, – С полочки полагается.

– Ваня, у нас денег не осталось совсем.

– Куда же ты все деньги дела?

– Попросила Света, я и отдала последние. Сами как-нибудь проживём.

– Всегда ты так, денег у тебя хватает только на один день.

– Ничего, Ванечка, как-нибудь протянем.

– Ты вообще-то права, сейчас в стране демократия. Захотим жить без денег пол месяца, и никто нам не помешает. Это называется демократичный подход. Всё, что не запрещено, разрешено. Нет такого закона, что надо обязательно иметь деньги. Тот же коммунизм, но только на основе демократии. Слышала, небось, что развивается предпринимательство. Вот мы с тобой и будем предпринимателями, проверим способ выживания без денег.

– Способ проверен уже до нас. Видел, как разрослось кладбище?

– Ну и что? У них не удалось, а мы назло всем выживем. Потом будут на нашем примере учить подрастающее поколение.

– Сходи-ка, Ваня в погреб, принеси смородины и грибочков, попьём чайку, прихвати ещё банку с маленькими огурчиками. Может, придут сегодня внуки, они такие огурчики любят. Демократия, так демократия, гулять будем на всю катушку!

12.2009.

Деревенские будни

– Я только до ларька и обратно, – сказала уже на пороге жена, захлопнув за собой дверь. Ларёк находился в ста пятидесяти метрах от дома, но дойти она не успела, встретила Семёновна, которую она не видела со вчерашнего дня. Семёновна обычно прохаживалась от безделья у своего дома, выгуливая себя и высматривая жертву для разговоров.

– Привет, Семёновна!

– Дравствуй, дорогая, дравствуй! Вижу, собралась за покупками.

– Да какие покупки! – воскликнула Пелагея Никандровна, – Соль кончилась да немного чесноку взять. Суп готовлю, а соли нет.

– Я тоже варю.

– У тебя, Семёновна, поди, проблем нет. Муж рыбы наловил.

– Да кака рыба! – воскликнула Галина Семёновна, – Одни штрафы привозит. Вместо рыбы – квитанции об уплате штрафа. Как ни поедет, обязательно попадётся. Говорят, какие-то Архангельские «рыбники» понаехали с автоматами.

– Врут! Только Колаев, начальник-от рыбинспекции, дружков насадит, вот тебе и Архангельские! Вася Ляховский, пилот и его друг, с ним ездит, браконьерит. Никому житья не дают, только бутылки сшибают. Мой каждый раз бутылку просит, говорит – для «рыбников», а может, и сами выпивают, кто их знает!

– Петьку-то Лохова с рыбой поймали, уголовное дело завели, а некоторые откупаются. Юрка Маков с Урлыкиным просто забрасывают рыбину на ходу в лодку инспекторов и их никто не трогает, а ездят каждую ночь. Кому-то нельзя ловить, а кому-то законов нет.

В это время раздался вопль, слышимый, наверно, в другом конце улицы. Женщины обернулись, но не удивились, привыкшие к своим соседям и причудам деревенской улицы. Такие звуки подавал только один человек. По мостовой шёл сосед Володя Кошкин, как говорят: «навеселе». Он и издавал эти вопли, то ли пытался петь, то ли радовался своему состоянию. Этот человек, если не считать постоянных «праздников», был безобидным и никого не трогал, но, приняв дозу, старался громко заявить о себе, как дома, так и на улице. Работал он на ответственной работе, но физически ничего не делал, высмаливая одну за другой папиросы. Даже дочка однажды его спросила: «Папа, ты почему на работе ничего не делаешь, только куришь?» Он ответил: «Я курю и думаю».

– Опять нажрался! Как только выходной, так ходит на рогах, – Галина Семёновна смотрела на соседа, возвращавшегося с очередной гулянки.

– А что ещё ему делать? – сразу подключилась к новой теме Пелагея Никандровна, – По дому он не работает. Тяжелее папиросы никогда ничего не поднимал. Всю физическую работу выполняют у него жена: сама дрова колет, сама воду носит и даже моторы ему таскают, когда он выезжает на рыбалку. Она идёт к лодке с мотором, а он идёт сзади, несёт сумку с продуктами; всегда ссылается на больную спину, хотя медкомиссии на своей строгой работе проходит каждый год. Постоянно ездит отдыхать в санатории. Токо от чего отдыхать? Скорее всего от семьи с вертихвостками, – сама себе ответила Пелагея Никандровна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.